

ГЛАВА 1

Грейс

27 апреля

Я не должна была узнать лицо пропавшей. Пожелтевшие листовки, сложенные стопками в продуктовых магазинах, — это лица детей, пропавших пятнадцать лет назад. Оповещения о похищении — это дети из других штатов, чьи родители борются за право опеки над ребенком. И все же с экрана телевизора на меня было обращено девичье лицо, запечатленное под истошно кричащими красными буквами «ПРОПАВШАЯ».

Это я.

Если и существует лицо, которое я должна бы распознать сразу, то это мое собственное. Я видела его миллион раз в каждом зеркале и на каждой моей фотографии. Но смотрящую на меня девушку я не узнала. Я словно смотрела на кого-то другого, а не на себя. Приславший фотографию обрезал фото нашей волейбольной команды, где я запечатлена в форме, с идеально прямыми каштановыми волосами и сияющей улыбкой. Изображение на экране — счастливая, смеющаяся, очаровательная и живущая полной жизнью Грейс. Совсем не похожая на ту Грейс, какой я сейчас являюсь: ослабшая, с синяками и переломами.

Звук телевизора приглушен, но в ушах внезапно раздается тихий гул кондиционера. Одна фотография сменяется другой, где мы с сестрой запечатлены щека

к щеке. Подписей нет, но я могу представить голос ведущего новостей, холодный и отстраненный, сообщающий о ходе поисков: «Грейс Столл была найдена на обочине дороги вчера рано утром, но поиски ее сестры Мэдди продолжаются».

Как по команде экран снова переключается, на этот раз на фотографию Мэдди. Мы похожи, как близнецы. На этой фотографии она похожа на меня больше, чем я сама. Мои волосы все еще спутаны, и хотя с лица смыли засохшую кровь, сегодня утром, когда я смотрела в зеркало в ванной, я заметила несколько пятен вдоль линии роста волос. Я выгляжу именно так, как и следовало ожидать после того, как меня нашли. Но не я одна все еще официально числюсь пропавшей. Мэдди тоже пропала. Прошло чуть больше суток с тех пор, как я проснулась и узнала об исчезновении сестры. Я пыталась убедить себя, что еще рано... Еще есть время... Еще не прошло сорока восьми часов. Мы найдем ее. Найдем. Может быть, это хорошо, что я так выгляжу, что отражение в зеркале мне незнакомо, что мне не нужно видеть в зеркале Мэдди, зная, что она все еще где-то там. Неизвестно где.

Входит мама, держа в одной руке букет цветов, а другой вытирая опухшие глаза. Наблюдать за ее болью хуже, чем испытывать собственную. Мама изо всех сил старается не расплакаться передо мной, а вот я не могу перестать плакать с тех пор, как она побывала в больнице днем ранее. Сначала я подумала, что она плачет от облегчения, что со мной все в порядке, но потом папа рассказал мне о Мэдди. Мама бросает взгляд на экран, где идут новости, прежде чем выхватить пульт у меня из рук.

— Давай выключим это. — Она покашливает, прогоняя слезы и беспокойство. — Доктор Тельман говорит,

что единственное, что ты можешь сделать прямо сейчас, — это отдохнуть, и они не сообщили ничего такого, чего бы мы уже не знали.

Она ставит вазу с цветами на столик под телевизором, рядом с пультом дистанционного управления, подальше от меня.

— Я отдыхала.

Мой хриплый голос звучит грубо и чуждо. Я проваливаюсь в слишком мягкую подушку, а жесткие простыни прикрывают длинную царапину на левой икре. Полиция забрала одежду, в которой меня нашли. Когда больничный халат сползает с моего плеча, я осторожно поправляю его, стараясь не выдернуть катетер от капельницы, прикрепленный пластырем к тыльной стороне ладони. Я едва могу встать с постели без того, чтобы кто-нибудь приподнял мой халат или распутал трубки капельницы, не говоря уже о том, чтобы помочь Мэдди.

— Кто-то из школы приходил, чтобы передать это, — говорит мама, игнорируя меня и указывая на цветы, окруженные другими яркими букетами, открытками и подарками.

В зал ожидания постоянно заходят люди, в основном соседи и друзья, ведь мои родители были единственными детьми в семье, а наши родственники живут далеко. Никто не задерживается надолго. Мне нельзя принимать посетителей. К тому же желать мне здоровья, сидя в вестибюле, бесполезно. Лучше потратить это время на поиски Мэдди. Мама вручает мне открытку с пожеланиями выздоровления, написанными золотыми буквами. Внутренняя сторона усыпана подписями учеников: Мэнди, Маккайла, Джейд, Николь...

— Николь, — медленно произношу я. — Она была с нами.

— Ты помнишь?

Мамины глаза расширяются, но не от удивления. Мне не следовало ничего говорить. Слишком поздно мне удается понять, что это была надежда.

— Нет, не совсем, — отвечаю я. В прошлый понедельник мы стояли возле школы перед тем, как сесть в автобус. Пять дней назад. Это последнее, что я помню. Мы все записались, собрали вещи и были готовы к часовой поездке в лагерь «Тенистые дубы», а потом... ничего. — Ничего нового. Перед поездкой все было спокойно.

— О, — ее плечи опускаются на долю дюйма.

— Я дам тебе знать, когда что-нибудь вспомню. — Мама улыбается. Искренне. Первая искренняя улыбка, которую я увидела с тех пор, как проснулась сегодня утром. Но мое сердце сжимается еще сильнее, потому что я сказала «когда», а хотела сказать «если». Врачи не могут сказать, вернется ли память...

— Папа привезет кое-что из твоих вещей, — говорит мама.

— Значит, меня скоро выпишут? — спрашиваю я с надеждой в голосе.

Вчера врачи провели все возможные анализы. Пока медсестры брали образцы крови, я практически не просыпалась. Мои глаза открылись, лишь когда вдалеке завывла сирена скорой помощи, извещая о прибытии в больницу. Врачи и медсестры назвали мое имя. Кто-то спросил меня, помню ли я, что произошло. Я не знаю, сколько времени прошло до приезда родителей. Мама заплакала, уткнувшись мне в плечо, а папа убрал волосы и поцеловал меня в лоб, прежде чем я снова заснула. Ни снов, ни кошмарных видений не было, я не теряла сознания, из-за чего меня могли бы отправить в больницу. Не было ничего, кроме темноты. Лишь сон. И тишина. Но сегодня мне не спалось. Я полностью осознаю все вокруг, но ничего не помню о нашей недельной поездке.

Мы с сестрой пропали вместе, но я единственная, кого нашли.

— Доктор Тельман хочет, чтобы ты провела еще одну ночь под наблюдением, а затем, если все остальное прояснится, завтра утром он надеется тебя выписать.

Отпустите меня. Врачи и больничные стены не единственное, что удерживает меня в ловушке. Раздается быстрый стук в дверь и приглушенное: «Мисс Столл?»

Высокий мужчина средних лет распахивает дверь и входит в сопровождении чисто выбритого парня. Оба одеты в полицейскую форму. Первый мужчина переводит взгляд с моей мамы на меня, и его лицо расплывается в мягкой улыбке.

— Рад видеть вас в сознании. — Пара седых волос блеснула на его редкой бородке. — Я детектив Говард, а это офицер Джонс.

Я пожимаю протянутую им руку и киваю младшему офицеру, который машет мне в ответ.

— Надеюсь, вы сможете ответить на несколько вопросов.

— Я не знаю, готова ли она, — говорит мама, положив руку на спинку моей кровати. — Доктор сказал...

— Доктор сказал, что со мной все в порядке, — перебиваю я. — Результаты всех анализов на данный момент хорошие.

— Вряд ли ты в порядке, если...

Офицер Джонс встречает:

— При всем моем уважении, вашей дочери восемнадцать, и по закону она может принимать решение самостоятельно.

От удивления у мамы отвисает челюсть, но детектив Говард начинает говорить первым:

— Все в порядке. Мы понимаем, что это может быть сложно. — Он говорит со мной, но переводит взгляд на

маму. — Мы просто хотим собрать как можно больше информации, чтобы помочь найти вашу сестру.

— Я хочу это сделать! Я хочу помочь!

Я должна найти Мэдди. Я должна что-то сделать, чтобы найти сестру и убедиться, что с ней все в порядке. И если я застряну в этой комнате, если это единственный способ быть полезной, то ничто меня не остановит. Мама сглатывает и кивает в знак согласия, независимо от того, требуется это по закону или нет. Детектив Говард пододвигает стул к краю моей кровати и опускается на один уровень со мной:

— Что вы помните из поездки?

— Ничего, я... я ничего не могу вспомнить.

Доктор Тельман сказал, что потеря памяти является довольно распространенным явлением после травмы головы или травмирующего события. Хотя никто не знает, что это было за событие, совершенно очевидно, что его можно классифицировать как травмирующее. Детектив Говард делает паузу.

— Вы не знаете, как могли оказаться на Олдхэм-Кантони-роуд?

— Нет, до этого момента я даже не знала, где это.

— Трент Гаттер нашел вас там вчера утром.

— Твой учитель математики? — спрашивает мама.

— Истории, — поправляю я.

— Он был сопровождающим в поездке, — уточняет детектив Говард.

— Мистер Гаттер был там? — спрашиваю я. — Но на встрече были только мистер Холтсоф и миссис Сандерсон. Именно они изначально организовывали поездку для старшеклассников. — Затем, увидев удивленное выражение на лице детектива Говарда, я добавляю: — Я помню все, что было до поездки. Все.

Он кивает и сверяется со своими записями:

— Мы поговорили с мистером Трентом Гаттером и миссис Кэти Сандерсон, сотрудниками Академии Форест-Лейн, которым было поручено сопровождать вас.

Я молчу, детектив Говард обменивается взглядом с офицером Джонсом. Тот что-то набирает в своем телефоне, возможно, заметку, чтобы потом вернуться к этому разговору. Детектив медленно продолжает:

— Вы можете вспомнить кого-нибудь из участников поездки, кто мог желать вам или вашей сестре зла?

— Нет, определенно нет, — ни секунды не колеблясь отвечаю я.

Мама ободряюще сжимает мое плечо, но ее пальцы дрожат. Детектив Говард выжидает, как будто пытается проследить, как мои воспоминания вдруг начнут проноситься у меня перед глазами, словно кадры из фильма. Но мне, увы, больше нечего сказать. Там были мои друзья. Никто не желал причинить нам боль.

— Вы уверены?

— Да, я... — Я замолкаю, желая ухватиться за ниточку воспоминаний. Это усилие вызывает вспышку острой боли. Я потираю виски, желая избавиться от нее.

— Вы не ссорились с сестрой или с кем-то еще во время поездки?

— Нет, — говорю я, качая головой. — Я... я ничего не помню после того, как села в автобус в понедельник утром.

Детектив явно разочарован услышанным — его лоб прорезают глубокие морщины, но я не спускаю с него глаз, потому что наблюдать за ним легче, чем за мамой, которая, я знаю, смотрит на меня точно так же. Мэдди нуждается во мне. Я могу сделать это для нее.

— Вы покидали лагерь по какой-либо причине?

— Насколько я помню, нет.

И затем, в отчаянной попытке быть полезной, я добавляю:

— За исключением того, что, очевидно, в какой-то момент я это сделала, если меня нашли на этой дороге.

— Вы помните, как это произошло?

— Нет. Я помню только, как садилась в автобус. А потом... ничего. Пока меня не погрузили в машину скорой помощи.

Я убираю волосы с лица, стараясь, чтобы заколка не зацепилась за швы на затылке. У меня под волосами рана, ее не видно — в отличие от фингала под глазом, царапины на щеке или заживающих синяков, — но врачам пришлось наложить семь швов, и эта рана болит сильнее, чем все остальное, вместе взятое.

— Я думаю, этого достаточно, — говорит мама, делая шаг вперед, указывая рукой на дверь. — Моей дочери нужно отдохнуть, так что, если у вас нет никаких новостей о ходе поисков...

Детектив Говард игнорирует ее. Я чувствую, что он смотрит на меня, но держу подбородок поднятым, сосредоточив взгляд на рифленной плитке, покрывающей потолок, и хочу лишь, чтобы головная боль, которая расцвела у меня в висках, исчезла. Я крепко зажмуриваю глаза, пока не слышу скрежет стула детектива Говарда, возвращаемого на место у стены.

— Все в порядке, — говорит он. — На сегодня достаточно. Обязательно позвоните нам, если вспомните что-нибудь о той ночи.

Он протягивает мне визитку с логотипом полицейского управления. Я тянусь за ней, но от его последних слов у меня в голове снова начинает пульсировать.

— Подождите, я думала, мы пропали утром.

Я обращаюсь к маме, единственному источнику новостей, который у меня был, за подтверждением. Она кивает, но ее брови в замешательстве сходятся на переносице.

— Вчера утром нам позвонили из школы и сказали, что девочек не нашли.

— После разговора с сопровождающими и студентами во время поездки мы составили отчет, который подтверждает, что кого-то из них видели в четверг, двадцать пятого числа, около девяти вечера.

У мамы морщится подбородок и слезятся глаза. Двенадцать часов. Мэдди пропала на двенадцать часов раньше, чем мы думали. Я подавляю растущую панику. Я знаю, что говорят о первых сорока восьми часах. Все знают. И мы потеряли двенадцать, сами того не осознавая.

— Я не понимаю, — говорит мама, ее голос дрожит, угрожая сорваться. — В школе сказали, что они начали поиски, как только сообщили о пропаже девочек. Это было только в пятницу утром.

— Их соседи по комнате и еще один мальчик, э-э-э... — Детектив Говард листает свой телефон, снова сверяясь со своими записями. — Райан Джейкобс первым заметил отсутствие девочек в шесть утра двадцать шестого числа и сразу же сообщил об этом школьному персоналу. Они обыскали лагерь и его территорию, а затем позвонили нам — в то же время, когда уведомили вас.

— Который сейчас час?

— Начало пятого, — говорит офицер Джонс. Это означает, что если Мэдди не найдут в течение следующих пяти часов, то она, вероятно...

Они не говорят, насколько важно для меня помнить об этом. Они и не обязаны. Мэдди пропала. И я единственная, кто был с ней, когда она исчезла.